

д.ф.н., проф. Галина Яроцкая

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова
Филологический факультет, Кафедра прикладной лингвистики
тел. +38 050 391 66 00
e-mail: g.yarotskaya@gmail.com
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4456-3852>

д.ф.н., проф. Валентина Колесник

Национальный университет «Одесская юридическая академия»
Факультет журналистики, Кафедра прикладной лингвистики
тел. +38 050 200 20 39
e-mail: vakolesnik2@gmail.com
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5400-8986>

НАИВНАЯ ЭКОНОМИКА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ: ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

ABSTRAKT

NAIWNY OBRAZ GOSPODARKI DOMOWEJ SŁOWIAN WSCHODNICH W RETROSPEKCJI HISTORYCZNEJ: PODEJŚCIE JĘZYKOWO-AKSJOLOGICZNE

Celem artykułu jest analiza dynamiki semantycznej pojęcia „gospodarstwo domowe” w języku staroruskim oraz ustalenie atrybutów kognitywnych w odniesieniu do jego składników logiczno-racjonalnych, figuratywno-percepcyjnych i wartościujących. Naiwny obraz tego określenia odzwierciedlony w jednostkach leksykalnych i frazeologicznych zawiera (*explicite* lub *implicite*) znaki konceptualizacji wschodniosłowiańskiego pojęcia gospodarki domowej jako organizacji życia domowego przez pryzmat głównej, pierwszej osoby. W pracy zastosowano metodę analizy semantyczno-językowej i lingwistyczno-kulturowej. Protokonceptcja pojęcia „gospodarka domowa” rozwinęła się poprzez rozszerzenie semantyki i zaakcentowanie konceptu ‘urządzenie domu’, ‘utrzymywanie domu’, ponieważ nowe leksemy *домостройство*, *домоводство* wskazują na główny cel działalności w gospodarstwie domowym. Koncepty peryferyjne, werbalizowane w konkretnych i uogólnionych nazwach przedmiotów gospodarstwa domowego (*скарбъ*, *добро*, *пожитку* itp.) potwierdzają stabilność konceptualizacji gospodarki domowej jako organizacji życia domowego i działalności gospodarczej jako działalności zapewniającej zachowanie i wzrost majątku domowego społeczeństwa. Kategoriami aksjologicznymi protopojęcia „gospodarka” są takie cechy prowadzenia gospodarstwa domowego, jak oszczędność, pracowitość, sumienność, racjo-

nalność, które później zostały zwerbalizowane w leksemach *хозяйственный* i *хозяйственник*. Źródła leksykograficzne poświadczają ekspansję zakresu nominacyjnego „gospodarka domowa”, uzupełnionego o zapożyczone leksemy ze znaczeniem gospodarności i roztropności (derywaty z rdzeniem *эконом-*).

Słowa kluczowe: gospodarstwo, wartość, naiwny obraz gospodarki domowej, język staroruski, protopojęcie, właściwości poznawcze

ABSTRACT

THE NAIVE HOUSEHOLD ECONOMY OF THE EASTERN SLAVS IN A HISTORICAL RETROSPECTIVE: A LINGUO-AXIOLOGICAL APPROACH

The article examines the semantic dynamics of the concept of “household economy” in the Old Russian language, and establishes cognitive attributes in relation to its logical-rational, figurative-perceptual and value components. The naive household economy, reflected in lexical and phraseological units, contains (explicitly or implicitly) signs of the conceptualization of the East Slavic notion of household economy as an organization of domestic life through the figure of the main, first person. The paper uses the method of semantic-linguistic and linguistic-cultural analysis.

The proto-concept “household economy” evolved through the expansion of the semantics and accentuation of the attribute ‘setting in/home improvement’, ‘house keeping’ since new lexemes *domoustroystvo*, *domovodstvo* convey the main goal of economic activity. Peripheral attributes verbalized in specific and generalized nominations of household items (*skarb*, *dobro*, *pozhitki* etc.) confirm the stability of the conceptualization of the household economy as an organization of domestic life, and economic activity as an activity to ensure the preservation and increase of household property of the community. The axio-categories of the proto-concept “household economy” are such characteristics of running a household as thrift, careful spending, diligence, and rationality, which would later be verbalized in the lexemes *khozyaystvennyy*, *khozyaystvennik* (economic, business manager).

Key words: household economy, value, naive economy, Old Russian language, proto-concept, cognitive attributes

Лингвоаксиологическая проблематика рассматривается в многочисленных исследованиях российских, украинских и зарубежных ученых, выполненных в рамках различных направлений: когнитивной лингвистики, аксиологии и аксиологической лингвистики, лингвокультурологии и лингвоконцептологии. В работе мы опираемся на ряд положений аксиолингвистики, наиболее важным из которых для нас является констатация значимости включения в предмет исследования культурной информации, извлекаемой из внутренней формы слова. Речь идет не только о содержании признака, положенного в основу номинации (мотивационного признака), но и о его интерпретации, т.е. ответа на вопрос, почему был вы-

бран данный признак. Соответствующий этап анализа можно определить, как выстраивание «моста» между содержанием языковых единиц и ментальным миром идей, образов, представлений, ценностных установок и т.п. Поиск причин номинаций расширяет компетенцию лингвистики, поскольку предполагает обращение, как к определенным языковым категориям, так и к экстралингвистическим сущностям – ментальным образам, мифологическим представлениям, ритуальной сфере или практическому опыту. Таким образом, внутренняя форма слова фиксирует ценностный мотив концептуализации и дает понимание того, как аффектация той или иной идеи, смысла, представляющего для сознания особую значимость, эксплицирует не только практический опыт жизнедеятельности народа, но и ценностную систему.

Исследуя семантику, внутреннюю форму слов номинативного пространства экономической деятельности в истории русской культуры, мы сможем обнаружить мотивацию, которая указывает на способ видения мира носителем языка, связывающего реалии окружающей действительности или маркирующего ряд ментальных единиц одними и теми же языковыми средствами. Целью данного исследования является анализ экономических представлений древнего восточнославянского общества, то есть «наивной экономики», на языковом материале семантического пространства «хозяйство». Результаты анализа позволят говорить о комплексе представлений, знаний и идей в области хозяйственной жизнедеятельности общества, в основе которых системная иерархия ценностей, выступающая в качестве регулятора хозяйственного поведения экономических субъектов.

Эмпирической базой послужили материалы, извлекаемые из следующих источников: этимологические словари русского языка, толковые словари древнерусского и церковнославянского языков, Словарь пословиц русского народа В.И. Даля (всего более 400 единиц)¹.

Основным методом исследования служит метод лингвосемантического и лингвокультурологического анализа, предполагающий моделирование процессов концептуализации и целый ряд разнообразных приемов классификации, систематики лексико-семантических парадигм, поскольку современная семантика позволяет обнаружить, что, во-первых, разные единицы одного языка часто включают тождественные или схожие презумпции (такие презумпции можно назвать сквозными мотивами языковой картины мира). А во-вторых, набор презумпций оказывается разным для разных языков. Применяемые в работе историко-сравнительный метод,

¹ См. список литературы.

прием культурно-исторической интерпретации и метод анализа детализации наименования позволяют делать выводы об определенных семантических презумпциях языка в исторической ретроспективе, поскольку именно совокупность презумпций, по мнению А.Д. Шмелева, задает языковую картину/модель мира².

Научная новизна статьи заключается в том, что в ней впервые применяется диахронический подход при исследовании структуры экономических понятий и соответствующих языковых единиц древнерусского языка, выявляется корреляция между процессами развития семантической структуры и диахроническими изменениями лексическо-семантических парадигм, объективирующих экономические понятия в языке. Таким образом, мы считаем, что языковая концептуализация как объект исследования может быть реконструирована на основе семантического анализа языковых единиц, содержащих совокупность представлений о мире, которые язык «навязывает» его носителям. В соответствии с нашим пониманием, опирающимся на положения «новомосковской школы концептуального анализа», механизмы такого навязывания (или «подсказывания») могут быть описаны через анализ семантических презумпций, содержащихся во внутренней форме слов.

Эволюция языкового картирования мира во многом определяется его инициальным состоянием. При смене культурно-исторических и экономических условий жизни языкового сообщества, состав и иерархические отношения лингвосемантических пространств трансформируется, что находит непосредственное отражение в языковых фактах. Как показывают лексикографические данные, в содержании лексических единиц с течением времени происходит акцентирование одних сем, и, наоборот, нейтрализация других, актуализация потенциальных сем и появление новых. Особенности семантических изменений, развитие синтагматических и парадигматических связей, архаизация слов, их повторное возрождение, причины появления/исчезновения оценочности – это иллюстрации эволюции языкового сознания.

Язык является динамической семиотической системой, возможность изменения которой связана с отношением к ней как к изменяемой со стороны использующего ее коллектива. Это означает, что данная семиотическая система воспринимается не как единственно возможная, но как один из потенциально данных вариантов. Такое отношение возможно в результате сопоставления данного языка с другими или с предыдущим периодом его

² А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев, *Константы и переменные русской языковой картины мира (Язык. Семиотика. Культура)*, Москва 2012, с. 643.

развития. Общества, ориентированные на монолингвальное сознание, дают образцы длительной устойчивости языков культуры, которые имеют «более сложную культуру, чем естественный язык, изменяются с большей, чем он, скоростью»³.

Опираясь на вышеуказанные идеи Ю.М. Лотмана, мы обратились к истории формирования понятия «экономика», входящего, с нашей точки зрения, в следующий эволюционный семиотический ряд, фиксирующий как преемственность, так и концептуальные разрывы: *дымъ, рало, городище, двор, домъ, господа, домостроительство, домоводство, хозяйство, домохозяйство, торговля, коммерция, предпринимательство, бизнес, народное хозяйство, экономика*.

Ключевым понятием наивной экономики является понятие «хозяйство», компонентами которого мы считаем такие понятийные и образные признаки, как «хозяин» (*господарь, отецъ, старецъ, князь* и др.), «имущество» (*животъ, скарбъ, добро, позитки, рухо* 'движимое имущество', *рухлядь, скотъ, нажитокъ* и др.) и «дом» (*дымъ, рало, плугъ, домъ, дворъ, городище*).

Следует сказать, что сама номинация *хозяйство*, как и лексема *хозяин* не фиксируются в памятниках до XVI века, поэтому, реконструируя концептуальное пространство, мы будем говорить о пассивном, историческом слое понятия, представленном в исследуемый период в значениях слов *господа* ('хозяйство') и синонимичных ему лексемах.

Лексема *господарь*, будучи производной от существительного *господа* (др.-рус. *госпѣда* 'дом, хозяйство'), восходит к праслав. **gospodь*/**gospodin*, которое в славянских языках получило два основных значения – социально-юридическое и сакральное: 'господин, повелитель' и 'Господь Бог'. Праславянская лексема **gospodь* < **gost-pod-* представляет собой сложение двух и.-е. основ: **gost-* (откуда, в частности, рус. *гость*) и **pot-* со значением власти, обладания, владения, потенци⁴. Праслав. **gospodь* родственно лат. *hospes* 'хозяин', произошедшего от тех же основ, и может быть истолковано как 'господин гостей', т.е. 'тот, кто способен дать прибежище гостям в своем доме, предоставить кров гостю, оказать гостеприимство'. Таким образом, **gost-pod-i-s* первоначально значило 'гостеприимный хозяин, домовладыка, домовладелец'.

Лексема *господин* сохранилась во всех славянских языках и их диалектах. *Господин* и *госпожа* – учтливое обращение к мужчине и женщине, в настоящее время используется в русском, болгарском и других славянских

³ Ю.М. Лотман, *История и типология русской культуры*, Санкт-Петербург 2002, с. 71.

⁴ К.А. Тимофеев, *Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения*, Новосибирск 2001, с. 22.

языках. В болгарских диалектах это может быть и обращение к старшему деверю и повару (поварихе) на свадьбе⁵.

Исследуя древние индоевропейские названия «хозяина» и «гостя», Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов отмечают, что «институт обмена в древних обществах делает понятным обычай, связанные с ‘гостеприимством’ и ‘угощением’. Это тоже своеобразный обмен между ‘хозяином’ и ‘гостем’, которые могут меняться ролями.

Этим и объясняется возможность соединения в одном слове значений ‘хозяин’ и ‘гость’, то есть ‘тот, кто принимает’ и ‘тот, кого принимают’⁶.

Становится ясно, что первоначальная семантика лексемы *господарь* была связана с ритуалом гостеприимства, а это делает первичной доминантой образа не прагматические, хозяйственные, а ритуальные функции. Произшедшая в дальнейшем семантическая эволюция закрепила тремя производными от праславянской лексемы **gospodь* три разных когнитивных вектора: сакральный – ‘Бог’, социально-правовой – ‘господин, государь’ и третий, который объединяет в себе первые два, поскольку *господарь* в рамках своего хозяйства (*господы*) обладает всей полнотой социально-правовой и сакральной власти. Отголоски первоначальной семантики, безусловно, сохранились в образе восточнославянского хозяина-*господаря*, поскольку прием гостей являлся его прерогативой, но на этом его функции не исчерпывались.

Для того, чтобы предоставить гостям кров, нужно этот кров иметь, недаром образ хозяина в русских пословицах тесно связан с понятием «дом» (ср. *домохозяйство, домогосподарство*): *Хозяин добр – и дом хорош, хозяин худ – и в доме тож; Дом красится хозяином; Без хозяина дом – сирота; Всякий дом хозяином держится*. Подчеркивая, что благополучие хозяйства непосредственно зависит от качеств его хозяина, пословицы свидетельствуют, что наряду с хорошим хозяином может существовать и плохой, своего рода «анти-хозяин» с совершенно другим набором характеристик: *Горе тому, кто непорядком живет в доме; Бегают от дому, будто черт от грому; У него в доме нечем собаки заманить; Дом: одни буйны ветры по углам перекликаются* и др.

Известно, что *домовой* осмысливается как мифологический хозяин дома, о чем свидетельствуют и его наименования типа *хозяин, господарь*, и внеш-

⁵ З. Барболова, М. Симеонова, М. Китанова, Н. Мутафчиева, П. Легурска, *Речник на народната духовна култура на българите*, София 2018, с. 81.

⁶ Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов, *Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Часть II. Семантический словарь общиндоевропейского языка и реконструкция индоевропейской протокультуры*, Благовещенск 1998, с. 119.

ний вид (он показывается как абсолютный двойник живого или умершего хозяина), и его патерналистские и продуцирующие функции⁷.

Слово *хозяин*, появившееся позже *господаря* ('господин, хозяин', 'государь') является совершенно оторванным от разветвленного древа исконных общеславянских лексем, обозначающих хозяина и восходящих к индоевропейскому корню. Тюркское заимствование *хозяин* (мн. *хозяева, хозя́я*, также в знач. 'злой дух, домовый' (...)) Заимств. из чув. *хо́жа, хи́жа* 'хозяин', тур. *ходжа*, крым.-тат., *чагат*, азерб., тат. *хо́жа* 'учитель, хозяин, старец' (...) Непосредственно из этого источника происходит др.-русск. *ходжа* 'господин' вытеснило из русского языка исконного *господаря*, сохраненного остальными славянскими языками (ср.: болг. *господар, господарь* 'хозяин, барин, государь, владелец' (соврем. *господин*), макед. *господар* 'хозяин, господин', 'государь, властитель, правитель', укр. *господарь* 'хозяин, владелец, глава в доме', белор. *гаспадар* 'хозяин').

Все славянские языки, кроме русского, сохранили и соответствующие названия *хозяйки* с этим же корнем: *госпожа* (ср. укр. *господиня* 'хозяйка, госпожа', белор. *гаспадыня* 'хозяйка', болг. *госпожа* 'хозяйка', словац. *hospodyňa* 'хозяйка', пол. *gospodyni* 'хозяйка, госпожа' и др.). Таким образом, заимствованное из тюркских языков слово *ходжа, хозя* (впоследствии *хозяин*, где *-ин-* русский суффикс единичности), относится к более позднему периоду.

По мнению Е.Е. Левкиевской, «русский язык иногда демонстрирует неудачи в выборе лексем, призванных обозначать наиболее принципиальные и ключевые для культуры понятия. Одной из таких неудач, безусловно, является слово *хозяин*»⁸.

В СЛРЯ XI–XVII вв. зафиксированы следующие значения лексем, репрезентирующих когнитивный признак «хозяин»: лексема *господа*, ж. первоначально имела значение 'дом, хозяйство', позже 'гостиница, постоянный двор': *госпѡда* зафиксировано в словаре с пометой «старинное» в значении 'хозяйство', 'дом'. *Оспода* I, ж., собир. 1. Господа, хозяйева (...) 3. Семья, домашние *Осподарь*, м. 1. Господин, хозяин. 2. Супруг, глава семьи. Исходное значение слова *господь, господинъ* является достаточно актуальным в праславянском языке, это – 'хозяин, владыка'. Производными от него являются прилагательное *господский*, существительные *госпожа, господин*, глагол *господствовать*. Лексема сохранилась во всех славянских языках.

⁷ Е.Е. Левкиевская, *Ритуально-магические функции хозяина в восточной-славянской традиционной культуре. Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре*, С.П. Бушкевич (ред.), И.А. Морозов (сост.), Москва 2001, с. 112.

⁸ Там же, с. 115, 113.

Статус хозяина в восточнославянской традиции строится как статус жреца, чья основная функция – обеспечение продуцирующей силы всего хозяйства. При этом актуализируется одна из древнейших **ритуальных функций хозяина**, связанная с первичной этимологией слова *господарь*, – **прием гостей**, что в контексте его обрядовой и магической деятельности является одним из основных источников получения хозяином блага. Именно поэтому первоначально семантическую оппозицию *господарю* (хозяину) составляет *гость*, а не *рабъ*.

Обратившись к этимологии слов *дом*, *двор* и *хата*, обнаруживаем, что основное смысловое наполнение ядерного когнитивного признака «дом», восходит к идее строительства жилья и обустройства территории вокруг постройки. Надо отметить, что в древнерусских памятниках до XII века не зафиксированы собственно слова *имущество*, *дворъ*. Ср. *дымъ-дворъ*, *рало-плугъ* в сущности были тождественными понятиями и обозначали участок земли, обрабатываемый силами одного домохозяина⁹. Синонимичным понятию *двор* выступало слово *городище*¹⁰.

По данным СЛРЯ XI–XVII вв., в значении ‘всякое живое имущество’ выступала лексема *животъ*. Это прежде всего относилось к скоту. Позже слово *животъ* выступало в качестве синонима понятия «домашний скarb, пожитки», срв. болг. *живот*, *животец* ‘имущество, добро, благо, деньги’, совр. болг. *живот* ‘жизнь’.

В роли хозяина в *городище* (*городе-дворе*) выступал *князь*, в роли его подчиненных – члены *дружины*. Слово *бояре* означало ‘старшая дружина князя’, одновременно старшая по возрасту и по положению, а *гридь* или *гридьба*, *отроки* и *детские* – ‘младшая дружина’. Происхождение слова *бояринъ* (*барин*) позволяет установить древнюю связь с понятиями «хозяин» и «служба», а также вывести когнитивный признак «знатный», по одной из этимологических версий¹¹. Термин *гридь* (скандинавское ‘дом, хоромы, двор’), по Я.К. Гроту, вероятно, древнейший, означал ‘дворовые слуги князя’ и ‘дружина князя’.

Само слово *человек*, по мнению Ю.С. Степанова, означало ‘свободного, никому не подчиненного, кроме как старшему в роде, жителя *городища*’, в котором замкнуты и члены рода, связанные тем или иным родственным отношением и принадлежащие семье работники. *Людие* – термин собирательный, означавший ‘неслужилый свободный класс’. *Людие* и *людинъ* явля-

⁹ П.П. Мельгунов, *Очерки по истории русской торговли. Очерки по истории русской торговли 9–18 вв. с картой*, Москва 1905, с. 7.

¹⁰ Ю.С. Степанов, *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*, Москва 1997, с. 721.

¹¹ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, Санкт-Петербург 1996, с. 202.

ются производными от корня *людѣ*, что синонимично современному *народ*. *Людие* разделялись на несколько экономических слоев: это были *гости*, *купцы*, *смерды*, *закупы* или *наймиты*.

Слово *челядь* в русском языке древнекиевского периода первоначально употреблялось в значении 'семья, семейство, дети в семье, младшие члены семьи и работники' (вместе). Позже в IX в., когда появилась торговля челядью, *человек* как член *челяди*, теряет значение 'свободный' и может означать *раба*, *холопа*¹².

Представление о первом лице (хозяине) складывалось под непосредственным влиянием родственных отношений, образа отца, который должен заботиться о своих детях, опираясь на свой авторитет, на авторитарный характер своей власти, на казавшийся естественным свой престиж. Поэтому лексемы, репрезентирующие когнитивный признак «первое лицо, управляющий» вступают в следующий синонимический ряд: *господинъ*, *господарь*, *князь*, *отець*, *старець*, *володарь* и др.

Из всего вышесказанного делаем вывод о том, что первоосновой номинаций хозяйства/господарства была идея первого лица, в ведении и распоряжении которого находился *домъ*, *дворъ*, *имущество* и люди, живущие и работающие в нем, – члены рода, дружины. Однако основными функциями хозяина были **ритуальные**: прием гостей и защита от внешних угроз – злых сил, а **не хозяйственные, экономические**.

Как видим, репрезентанты древнего понятия «хозяйство» объединены когнитивными признаками «дом/двор» (*домъ*, *дворъ*, *городнице*, *жило* в значении 'жилые'), «хозяин/господин» и «имущество» (*пожитки/животъ*).

Как уже было сказано, протолексемой понятия «хозяйство» была лексема *господа*, внутренняя форма которой имеет этимологическую связь с когнитивным признаком «хозяин гостей, глава». Семантика слова *господарь* свидетельствует о **концептуализации восточнославянского хозяйства как организации домашнего быта через фигуру главного, первого лица**.

Таким образом, концептуализация хозяйства как системы домоводства, домостроительства древнекиевского периода объединяет в себе четыре когнитивных признака: 1) хозяин (глава рода) – *господарь*, *князь*; 2) дом как жилище, хозяйственные строения и двор – *рало*, *дымъ*, *домъ-дворъ*, *городнице*; 3) род (члены большой семьи) – *дружина*, 4) имущество, принадлежащее всей семье, всему роду – *животъ* (собственность). Эти выводы подтверждаются и данными праславянского лексического фонда, где *бездомный* определяется как «безродный, не имеющий семьи, одинокий, бедный, несчастный», *бездомовный* как «бесхозяйственный».

¹² Ю.С. Степанов, *Константы. Словарь...*, с. 721.

Протопонятие «хозяйство» с номинантой *господа* представляет собой сложное ментальное образование, в составе которого выделяются следующие компоненты: логико-рациональный – объединение по принципу кровного родства людей, подчиняющихся авторитету главы рода, живущих в одном доме и участвующих в хозяйственной деятельности, людей, которые коллективно владеют имуществом, находящимся на территории дома-двора; образно-перцептивный – образы-символы гостеприимства, центральная фигура распорядителя хозяйства, выполняющего ритуальные функции хозяина, принимающего гостей; ценностный – власть как основа хозяйствования, положительная оценка принадлежности к роду, семье, значимость этой принадлежности, идеи общности.

Когнитивный признак «власть, управление» составляет ценностный вектор концептуализации хозяйства и его ядерную зону. Из этого можно сделать вывод о властечентричности хозяйственных (экономических) отношений в культуре древнекиевского периода (ср. *экономика* от др. греч. слов *дом* и *закон*). Но не только власть (как управление и подчинение хозяину) символизировала фигура первого лица; в его распоряжении находилось и все хозяйственное имущество, то есть представление о хозяине формировало когнитивные признаки «власть» и «собственность» в одном лице. Однако *господарь*, управляющий и распоряжающийся, не являлся собственником хозяйства/имущества; право собственности на землю и имущество принадлежало роду, общине, поэтому можно лишь условно говорить о властесобственности как основном когнитивном признаке концептуализации хозяйства в древнем восточнославянском сознании.

Как уже было сказано, изначально концептуализация *хозяина* содержала когнитивный признак «принимающий гостей» (*господарь*, *господин*), т.е. выполняющий ритуальные (гостеприимство), а не хозяйственные функции. Эволюция понятия на следующем этапе заключается в семантическом расширении, в результате которого ценностные признаки экономности, бережливости, расчетливости формируют ценностное ядро понятия, а гостеприимность в структуре ценностных признаков уходит из ядерной в периферийную зону. Все дериваты с вершиной *хозяин* имеют в своей семантической структуре семы 'бережливость', 'экономность': *хозяин*, *хозяйка*, *хозяйушка*, *хозяйкин*, *хозяйски*, *хозяйский*, *хозяйство*, *хозяйничанье*, *хозяйничать*, *хозяйствование*, *хозяйственный*, *хозяйственность* и др. Кроме того, новообразования *разчетисто*, *разчетный*, *разчетливый*, *разчетливость* (ср. «*разчетистый* – наблюдающий во всем расчет, осторожный в поступках. Бережливый в издержках», *пустодом* (*пустодомка*) – не пекущийся о хозяйстве, расточитель, *скопидом*, *скопидомка*, *скопидомство* (ср. *скопидомка* – тщательная бережливая хозяйка, *бережь* – умеренное хозяйствен-

ное употребление, *тратить с бережью, домовит, домовитство, домовитский, домодержавство* – экономия, хозяйственность СЛРЯ XVIII в. уплотняют номинативное пространство «тщательность, бережливость хозяйственного поведения». В языке исследуемого периода узуальное значение лексем *небрежение, небрежливый, небрежность* составляет отсутствие бережливости¹³, ср.: *небрежный* – искон., суф. производное от ст.-сл. *не бреци, не брегу* (< **bergti*; см. *беречь*) буквально – «небережливый»¹⁴. Таким образом, семантическое пространство «хозяйство» характеризуется номинативным уплотнением аксиокатегории «бережливость», что означает сохранение особой значимости бережливости, экономности в хозяйственной деятельности.

Новообразования, зафиксированные в словарях XVIII–XIX веков, *домовладелец/-ица, домохозяин/-ка, домодержец/-ица*, в значении ‘хозяин/хозяйка дома’, с одной стороны, и *эконом/ка, домостроитель/ница, домоблюститель/ница, домоправитель/ница, домовод/ка, дворецкий*, с другой, свидетельствуют о когнитивной дифференциации признаков «наблюдающий за домом, управляющий хозяйством» и «собственно владелец дома». Иначе говоря, за лексемой *хозяин* закрепляется значение «собственник, владелец» (ср. неологизм *товарохозяин*). Лексемы *домовитый* (пекущийся о доме, хозяйстве), *домовитость, рачивость, радительство* указывают на качественные характеристики субъекта хозяйственной деятельности и, несомненно, имеют позитивную оценку, вступая в антонимичные отношения с лексемами *пустодом, расточительство, нерадительство, нерачивость* и др. Таким образом, в ядерной зоне логико-рационального уровня понятия «хозяйство» оказывается семантика владения, распоряжения собственностью, а в периферийной – бережливости, экономности.

Представленность протопонятия «хозяйство» в русских поговорках достаточно системна и может быть описана по следующим характеристикам: 1) участники хозяйственной деятельности – *хозяин, хозяйка*; 2) имущество, принадлежащее хозяевам, – *дом, скот, двор* и т.д.; 3) хозяйственные функции – прием гостей, рациональное отношение к материальному ресурсу.

1. Гендерный признак в оппозиции *хозяин/хозяйка*.

Домашнее хозяйство предполагало наличие *хозяина* (мужа) и *хозяйки* (жены). *Хозяйский* (полный синоним – *господский*) означало ‘принадлежащий или свойственный хозяевам’. В исследуемый период в синонимические отношения вступали лексемы *владелец, хозяин, господин*,

¹³ СЛСРЯ – *Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук. В 4 томах. Второе издание*, Санктпетербург 1867, с. 894.

¹⁴ В.В. Виноградов, *История слов*, Москва 1994.

господарь, с одной стороны, и владелица, хозяйка, госпожа, господарыня, с другой.

Характеристики *хозяина*: 1) деятельный, заботливый, эффективный, трудолюбивый/ленивый: *Хозяин что ступит, то дело найдет. Домом жить – не разиня рот ходить. Двором жить – обо всем тужить. Домок вести – не задом трясти* (т.е. не плясать). *Хозяин что ступит, то дело найдет. От хозяйского глаза и конь добреет. Дом вести – не лапти плести.* 2) бережливый, запасливый/расточительный. *Не хозяин, кто добра не берегает. Хозяин свое бережет. У хорошего хозяина запас на год вперед – Жил, жил да и прожился, одни буйны ветры по углам перекликаются.*

Отметим, что по гендерному признаку в поговорках наблюдается несоответствие оценок степени эффективности ведения хозяйства хозяином и хозяйкой: *хозяин* – эффективный, рациональный, бережливый, усердный (*Хозяин что ступит, то дело найдет. Всякий дом хозяином держится. У хорошего хозяина запас на год вперед*); *хозяйка* – неэффективна, нерациональна, расточительна, ленива (*Процвай, квашня, я гулять пошла* (о нерадивой хозяйке). *Бабы умы разоряют дома. Не наряд девку (жену) красит – домостройство*). Пословицы, в которых критически оценивается работа женщины по хозяйству, преобладают над позитивными оценками хозяйки.

2. Основа хозяйства – имущество: *дом, избушка, добро.*

В характеристиках имущества доминирует когнитивный признак «собственный» – независимость, право распоряжения и ведения домашнего хозяйства на усмотрение хозяина: *Дом дому* (*Хозяин хозяину*) *не указ. Своя избушка – свой простор. Твой дом, твои и гости (твоя воля).* *Всяк в своем добре волен. Хозяин в дому, что медведь в бору (что как хочет, так и ворочет).* Данный признак приобретает ценностно-оценочное наполнение: *Свой дом – не чужой, из него не уйдешь. Хоть небогато, а свое. И стены в доме помогают. Дома и солома съедома. Не хожу я в мир по всякий блин.* Образно-перцептивные признаки «уютный», «изобильный» вербализованы в поговорках *Хоть не пышно, да затишно, Мило тому, у кого всего много в дому, Дом – полная чаша.*

3. В текстах поговорок противопоставлены **виды хозяйственных работ и функции**, осуществляемые женщиной-хозяйкой (*обрядня, порядня*), – стряпня, прядение, наведение порядка, печь и мужчиной – управление, руководство, земледелие. *Глаз господский (хозяйский) угобжает землю (ниву).* *Кто за прялку, кто за скалку. Не припасла хозяйка обеду, так видно, толкнуться к соседу. Какова Устинья, таково у ней ботвинья. Без ухажей не дом, а булдырь.*

Таким образом, виды работ по хозяйству разделяются по гендерному признаку: земледелие (посев, пашня, жатва), разведение скота, управление,

руководство – мужские, приготовление пищи, шитье, пряденье – женские (*хозяйка*).

Хозяйство в языковом сознании исследуемого периода представляет ценность само по себе как имущество, собственность. Позитивная оценочность *хозяина* связана с такими чертами, как бережливость, забота о наведении порядка в доме, гостеприимство. Работа по хозяйству требует усердия, трудолюбия, осуждается в паремиях *нерадение, лень, расточительство*.

Номинативное пространство «хозяйство» формирует следующий эволюционный семиотический ряд: *домъ* (*дымъ, рало, дворъ, господа, животъ, обиходъ, добро, майно, скарбъ, пожитки, обрядня, порядня*), *хозяйство* (*имение, имущество*), *домохозяйство* (*домостроительство, домостройство, домоводство*).

Как уже было сказано, исходя из внутренней формы имени *хозяйство*, можно говорить о наличии ядерного когнитивного признака – «власть», поскольку фигура *хозяина* является фокусом концептуализации понятия. Однако появление лексем-калек *домоводство, домостроительство* в значении 'домашнее хозяйство' свидетельствует об импорте концептуального вектора из древнегреческого языка в церковнославянский – *домоводство, домостройство, домостроительство* – ведение домашнего хозяйства (ср. *экономика* – первоначально ведение домашнего хозяйства, этимол. – дом, закон) – и затем в русский. Внутренняя форма номинантов говорит о присутствии таких когнитивных признаков в концептуализации хозяйства, как «строить, вести дом». Таким образом, в лексемах *домостроительство, домоводство*, возникших под влиянием греко-византийской концептуализации соответствующих понятий, нет указания на ключевую фигуру в ведении хозяйства.

Анализ данных *Словаря русского языка XVIII века* (СЛРЯ XVIII в.) 1984–2007 г. и *Словаря церковно-славянского и русского языка* (СЦСРЯ) 1847 г. зафиксировал расширение номинативного пространства «хозяйство», которое пополнилось заимствованными лексемами с семантикой бережливости и расчетливости. Это производные с корнем *эконом-* (наряду со словообразовательными кальками из церковнославянского – *домоводство, домострой, домостройство, домовладычество, и домостроительство*), которые показали высокую продуктивность в русском языке: *экономить* – наблюдать бережливость; *экономический* – хозяйственный, домостроительный, сбереженный от расходов. *Экономические деньги; экономия* – домоводство, домостроительство, хозяйство, бережливость. *Экономка* – 1. смотрительница за хозяйством, 2. бережливая расчетливая хозяйка; *экономный* – хозяйственный, бережливый, расчетливый; *экономно* – с наблюдением экономии, хозяйственно, расчетливо; *экономша* – жена эконома; *экономъ* – 1. домостроитель, смотритель

за хозяйством. 2. бережливый, расчетливый в домашних издержках; *экономский* – относящийся к эконому или к экономам. *Экономская должность*. *Экономский помощник*; *закономничать, закономить* – начать экономить.

Помимо словообразовательных и семантических калек из древнегреческого через церковнославянский язык, в русском языке появилось слово *экономъ*, которое не употреблялось в древнегреческом. Таким образом, лексему *экономъ* можно рассматривать как производное от древнегреческого *экономика* – искусство ведения хозяйства, хотя сама лексема *экономика* еще не зафиксирована словарями исследуемого периода.

Появление лексем *экономъ* (*экономъ, икономъ*) – управляющий хозяйственными делами, *домузаконникъ* – ‘домоправитель’, ‘эконом’, ‘домостроитель’ – *хозяинъ, домоправитель* свидетельствовало о номинативном уплотнении концепта и появлении нового концептуального вектора – функции домоправителя – управляющего хозяйственными делами (ср. в советский период – *управдом, завхоз*). В свою очередь, это означает, что положено начало дальнейшему эволюционному развитию понятия: *хозяин* и *эконом* оказываются противопоставленными по признаку «отношение к власти и ответственности». *Хозяин* – тот, кто является владельцем имущества; *эконом, домоправитель* не является собственником хозяйства, лишь управляющим, ведущим хозяйство, что ставит лексему в синонимические отношения со словами *ключник, ключарь*. Ср. *ключарь*, м. 1. хранитель ключей. 2. эконом, ключник. 3. священник, ведающий ризницей и церковной утварью в соборной церкви. *Ключникъ*, м. 1. слуга, управляющий хозяйством в отдельной вотчине или городском доме господина; эконом. *Ключникъ житничный, погребной, сушильный* – заведующий житницами, или погребами, или сушильнями в дворцовом хозяйстве великого князя, царя или в хозяйстве патриарха. *Ключница*, ж. 1. женск. к *ключникъ* (в знач. 1). 2. амбар. *Ключарство*, с. исполнение обязанностей ключаря. *Ключня*, ж. ведомство ключника; находящиеся в ведении ключника столовое хозяйство и прислуга¹⁵.

На данном этапе лексемы *домоправитель, домостроитель, домузаконникъ, экономъ, ключникъ, ключарь, хозяинъ* выступают как вербальные репрезентанты когнитивного признака «хозяин», однако дальнейшая их судьба предопределена: разделение управления собственника (*хозяина*) и наемного работника (*ключника, эконома*) зафиксировано на вербальном уровне. В ядре по-прежнему находится признак «владение, собственность», (*хозяинъ, мотивирующей хозяйство*), на ближней периферии – ведение хозяйственных дел: *экономъ, домузаконникъ*. К дальней периферийной части от-

¹⁵ СЛРЯ XI–XVII вв. – *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 7, 1975–2008, с. 183, 186, [онлайн], <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3227643>, [доступ: 14.03.2022].

носится также смысл, объективируемый в языке лексемами *ключникъ*, *ключичарь*. Таким образом, противопоставление на языковом уровне хозяина-собственника и хозяина-распорядителя (домостроителя) становится возможным благодаря появлению лексем *экономъ*, *экономка*, вступающими в синонимические отношения с лексемами *смотритель/ница*, *ключарь* и *ключник/ница*. Управленческие (хозяйственные) функции, ранее возлагавшиеся на *хозяина*, переносятся на *эконома*-распорядителя.

Концептуализация хозяйства непосредственно отражает эти эволюционные процессы, вследствие которых синонимичными оказываются лексемы *домостроительство*, *хозяйство*, *домостройство*, составляющие понятийное ядро «хозяйства».

Таким образом, эволюция протопонятия «хозяйство» заключается в расширении семантики и акцентуации признака «обустройство дома», поскольку новые вербальные репрезентанты *домостройство*, *домоводство* фиксируют основную цель хозяйственной деятельности. Периферийные признаки, вербализованные в конкретных и обобщенных номинациях предметов домашнего обихода (*скарбъ*, *добро*, *пожитки* и др.), подтверждают устойчивость концептуализации хозяйства как организации **домашнего быта**, а хозяйственной деятельности как деятельности по обеспечению сохранения и увеличения **домашнего имущества** семьи, общины. Аксио-категориями протопонятия «хозяйство» являются такие характеристики ведения домашнего хозяйства, как бережливость, рачительность, усердие, рациональность, которые впоследствии будут вербализованы в лексемах *хозяйственный* и *хозяйственник*.

Библиография

- Barbolova Z., Simeonova M., Kitanova M., Mutafčieva N., Legurska P., *Rečnik na narodnata duhovna kultura na b'Igarite*, Sofiâ 2018.
- Vinogradov V. V., *Istoriâ slov*, Moskva 1994.
- Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V., *Indoevropskij âzyk i indoevropcy. Rekonstrukciâ i istoriko-tipologičeskij analiz praâzyka i protokul'tury. Čast' II. Semantičeskij slovar' obšeindoevropskogo âzyka i rekonstrukciâ indoevropskoj protokul'tury*, Blagovešensk 1998.
- Gerov N., *Rečnik na b'Igarskiâ ezik. Fototipno izdanie. Čast vtorâ (E-K)*, Sofiâ 1976.
- Dal' V. I., *Tolkovyj slovar' živogo velikorusskogo âzyka*, Moskva 1981–1982.
- Dal' V. I., *Poslovice russkogo naroda. Sbornik V. Dalâ v 3-h tomah*, Moskva 1993.
- Zaliznâk A. A., Levontina I. B., Šmelev A. D., *Konstanty i peremennye russkoj âzykovoju kartiny mira (Âzyk. Semiotika. Kul'tura)*, Moskva 2012.

- Levkievskáâ E. E., *Ritual'no-magičeskie funkcii hozâina v vostočno-slavânskoj tradicionnoj kul'ture. Mužskoj sbornik. Vyp. 1. Mužčina v tradicionnoj kul'ture*, S. P. Buškevič (red.), I. A. Morozov (sost.), Moskva 2001, s. 106–114.
- Lotman Ū. M., *Istoriâ i tipologiâ rusckoj kul'tury*, Sankt-Peterburg 2002.
- Mel'gunov P. P., *Očerki po istorii rusckoj trgovli. Očerki po istorii rusckoj trgovli 9–18 vv. s kartoû*, Moskva 1905, s. 7–10.
- Slovar' rusckogo âzyka XI–XVII vv.*, vyp. 1–28, 1975–2008, [onlajn], <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3227643>, [dostup: 14.03.2022].
- Slovar' cerkovno-slavânskago i rusckago âzyka, sostavlennyj vtorym ot'd'leniem Imperatorskoj akademii nauk. V 4 tomah. Vtoroe izdanie*, Sanktpeterburg 1867.
- Stepanov Ū. S., *Konstanty. Slovar' rusckoj kul'tury. Opyt issledovaniâ*, Moskva 1997.
- Timofeev K. A., *Religioznaâ leksika rusckogo âzyka kak vyraženie hristianskogo mirovozzreniâ*, Novosibirsk 2001.
- Tolstaâ S. M., *Motivacionnye semantičeskie modeli i kartina mira, «Russkij âzyk v naučnom osvešenii»* 2002, № 1 (3), s. 112–127.
- Fasmer M., *Ètimologičeskij slovar' rusckogo âzyka*, Sankt-Peterburg 1996.
- Ètimologičeskij slovar' slavânskikh âzykov: Praslavânskij leksičeskij fond*, O. N. Trubačev (red.), vyp. 1–30, Moskva 1974–1994.